

Александр Анатольевич Кузнецов

главный консультант управления частного права ВАС РФ,
магистр юриспруденции (РШЧП),
кандидат юридических наук

В статье предпринимается попытка доказать, что нормы об оспаривании крупных сделок и сделок с заинтересованностью являются частными случаями соответственно п. 1 и п. 2 ст. 174 ГК РФ. При этом критикуются необоснованные различия корпоративного законодательства и ст. 174 ГК РФ в части круга обстоятельств, подлежащих доказыванию, и распределения бремени доказывания. Также обращается внимание на необоснованность традиционного для российского права смещения крупных сделок и сделок с заинтересованностью. Автор предлагает рассматривать нормы о сделках с заинтересованностью как развитие правила о запрете представителю на совершение сделок в отношении себя лично (п. 3 ст. 182 ГК РФ).

Ключевые слова: крупные сделки, сделки с заинтересованностью, сделки представителя в ущерб представляемому, сделки представителя с нарушением порядка осуществления полномочия, сделки представителя в отношении себя лично

Оспаривание крупных сделок и сделок с заинтересованностью: общие замечания

Крупные сделки и сделки с заинтересованностью неоднократно становились предметом рассмотрения в российской юридической литературе. Однако обсуждение вопросов оспаривания такого рода сделок нередко происходит только в контексте норм корпоративного законодательства без осмысления того, каким образом эти нормы соотносятся с основаниями недействительности, предусмотренными

ГК РФ¹. Подобный подход негативно влияет на процесс правоприменения и приводит к фактической десистематизации гражданского законодательства, что мы постараемся продемонстрировать далее.

Сделки с заинтересованностью

Сделки с заинтересованностью как развитие правила о запрете представителю сделок в отношении себя лично. В российской литературе, как представляется, сложился определенный консенсус в понимании назначения норм, регулирующих совершение сделок с заинтересованностью. Так, в одном из первых комментариев к Федеральному закону от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее — Закон об АО) Г.Е. Авилов в 1996 г. указывает на то, что глава XI этого Закона направлена на защиту интересов акционерного общества и его акционеров, и рассматривает ситуации, когда лицо, обладающее возможностью влиять на принятие решений общества, имеет личную заинтересованность в совершении обществом конкретной сделки². Обозначенный им ключевой момент — наличие лиц, которые могут повлиять на заключаемые обществом сделки (условия, выбор контрагента) и использовать это в своих интересах — впоследствии отмечали многие отечественные авторы³.

Американские эксперты Б.С. Блэк и Р. Крэкман, принимавшие участие в разработке российского Закона об АО, также недвусмысленно указывали на необходимость специального регулирования сделок с конфликтом интересов для того, чтобы исключить риск совершения сделок к выгоде заинтересованных лиц, но в ущерб обществу⁴.

В конечном счете такое понимание норм о сделках с заинтересованностью было поддержано и на уровне Конституционного Суда РФ, который в 2003 г. в одном из своих постановлений отметил, что «в силу природы акционерного общества совершаемые им сделки могут приводить к конфликту интересов между акционерами, обладающими значительным числом акций, органами управления обществом и миноритарными акционерами. Глава XI Федерального закона «Об акционерных обществах» (статьи 81–84), регламентирующая сделки, в совершении которых имеется заинтересованность, закрепляет комплекс мер, направленных на защиту имущественных интересов акционеров, в том числе миноритарных, и акционер-

¹ Например, в ведущем российском учебнике по гражданскому праву крупные сделки и сделки с заинтересованностью помещены в раздел «Специальные основания оспоримости сделок» (см.: Гражданское право. Общая часть: учеб. в 4 т. / под ред. Е.А. Суханова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008. Т. 1. С. 506 (автор раздела — В.С. Ем)).

² См.: Комментарий к Федеральному закону об акционерных обществах / под ред. Г.С. Шапкиной. М., 1996. С. 190 (автор комментария — Г.Е. Авилов).

³ См.: Шапкина Г.С. Новое в российском акционерном законодательстве (изменения и дополнения Федерального закона «Об акционерных обществах») // Вестник ВАС РФ. 2002. № 1. С. 99; Егоров А.В. К вопросу о понятии посредника при сделках с заинтересованностью // Вестник ВАС РФ. 2002. № 5. С. 130; Маковская А.А. Сделки с заинтересованностью и порядок их одобрения акционерным обществом. М., 2004. С. 3–4.

⁴ См.: Блэк Б.С., Крэкман Р., Тарасова А. Комментарий Федерального закона «Об акционерных обществах» / под общ. ред. А.С. Тарасовой. М., 1999. С. 93, 464 (авторы комментария — Б.С. Блэк и Р. Крэкман).

ного общества в целом в связи с совершением таких сделок, в частности предусматривает возможность признания их недействительными в исковом порядке (пункт 1 статьи 84)...»⁵.

Соглашаясь с высказанными позициями, мы в то же время никак не можем поддержать общую тенденцию отечественной доктрины рассматривать категорию сделок с заинтересованностью как нечто совершенно новое для нашего права, отсутствовавшее до принятия соответствующих корпоративных законов, полностью заимствованное из зарубежных правопорядков⁶.

Российскому праву уже давно известны ограничения, налагаемые на представителя в ситуации конфликта интересов. Так, представитель не может совершать сделки от имени представляемого в отношении себя лично, а также совершать такие сделки в отношении другого лица, представителем которого он одновременно является (п. 3 ст. 182 ГК РФ).

Как отмечает А.В. Егоров, цель п. 3 ст. 182 ГК РФ состоит в предотвращении возможных нарушений интересов представляемого, которые могли бы произойти в том случае, если бы представитель мог свободно совершать сделки с самим собой, поскольку, выбирая между собственными интересами и интересами представляемого, многие представители будут не настолько честны, чтобы избежать искушения и предпочесть интересы представляемого⁷.

О том, что запрет представителю совершать сделки с самим собой активно востребован именно в предпринимательских отношениях, упоминал еще В.А. Рясенцев. Он отмечал, что такие сделки, оставаясь без должного внимания дореволюционных и советских правоведов, вызывали повышенный интерес у представителей юридической науки буржуазных стран, где это было связано с необходимостью поиска способа контроля за директорами предприятий⁸.

Одновременно у этого же автора мы находим ценную мысль о том, что сделка с самим собой является оспоримой применительно к ст. 32 ГК РСФСР 1922 г., которая устанавливала оспоримость сделок, заключенных представителем, вступившим в злонамеренное соглашение с противоположной стороной сделки. При этом ученый указывал, что в случае сделки представителя с самим собой представляемый, оспаривающий ее, должен доказывать только факт заключения такого рода сделки, а наличие ущерба предполагается, но может быть опровергнуто представителем⁹.

⁵ Постановление КС РФ от 10.04.2003 № 5-П.

⁶ См.: Маковская А.А. Сделки с заинтересованностью и порядок их одобрения акционерным обществом. С. 3; Габов А.В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М., 2005. С. 5.

⁷ См.: Егоров А.В. Комментарий к постановлению Президиума ВАС РФ от 16.06.2009 № 17580/08 // Правовые позиции Президиума ВАС РФ: избр. постановления за 2009 г. с комментариями / под ред. А.А. Иванова. С. 215–216.

⁸ См.: Рясенцев В.А. Представительство и сделки в современном гражданском праве. М., 2006. С. 216.

⁹ Там же. С. 222–223, 225.

Подобное распределение бремени доказывания отражено в действующей редакции п. 3 ст. 182 ГК РФ. Это позволяет выдвинуть предположение о том, что п. 3 ст. 182 ГК РФ является квалифицированным случаем п. 2 ст. 174 ГК РФ — сделок, заключенных представителем в ущерб интересам представляемого¹⁰.

К такому выводу нас подталкивает в том числе тот факт, что для признания сделки представителя с самим собой недействительной необходимо наличие тех же обстоятельств, которые требуются для признания сделки недействительной на основании п. 2 ст. 174 ГК РФ: сделка должна быть заключена в ущерб интересам представляемого. Однако в отличие от общей нормы п. 3 ст. 182 ГК РФ позволяет последнему, доказав наличие сделки представителя с самим собой, переложить на ответчика бремя доказывания отсутствия вреда от сделки. Вполне рациональное правило: если представитель, совершая сделку, действовал в обстоятельствах, вызывающих подозрения в его добросовестности, то и доказывать отсутствие вреда от сделки должен он.

Однако очевидно, что конфликт интересов возникает не только в случаях, когда представитель совершает сделку в отношении себя лично в буквальном смысле слова, но и в иных ситуациях, когда контрагент по сделке (выгодоприобретатель) является лицом, связанным с представителем.

В этом смысле нормы о сделках с заинтересованностью являются не более чем развитием идеи п. 3 ст. 182 ГК РФ: конфликт интересов презюмируется в тех случаях, когда в качестве стороны по сделке выступает сам директор (член совета директоров, участник общества, обладающий более 20% уставного капитала), его родственники, перечисленные в соответствующих статьях Закона, либо общество, в котором указанные лица единолично или совместно с аффилированными лицами владеют более 20% уставного капитала (ст. 81 Закона об АО, ст. 45 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО)).

Близкого результата можно добиться, если расширить понимание п. 3 ст. 182 ГК РФ. Например, как отмечает А.М. Ширвиндт, в постановлении № 17580/08 Президиум ВАС РФ дал этой норме широкую трактовку, наделив слова «в отношении себя лично» значением «в своем интересе». По мнению автора, «такое толкование вполне соответствует смыслу правила, закрепленного в п. 3 ст. 182 ГК РФ, и демонстрирует, что речь идет не о юридико-технических препятствиях к совершению сделки одним лицом, выступающим одновременно на двух сторонах, а именно об ограничении полномочий представителя в случаях вероятного конфликта интересов»¹¹.

¹⁰ Также см.: Папченкова Е.А. Представитель совершил сделку в отношении себя лично. Новые возможности для оспаривания в ГК РФ // Арбитражная практика. 2014. № 1. С. 65.

¹¹ Ширвиндт А.М. Комментарий к постановлению Президиума ВАС РФ от 20.05.2008 № 15756/07 // Правовые позиции Президиума ВАС РФ: избр. постановления за 2008 г. с комментариями / под ред. А.А. Иванова. М., 2012. С. 38 (сноска 1). По свидетельству Е.А. Папченковой, в судебной практике Швейцарии запрет представителю на совершение сделок в отношении себя лично также понимается довольно широко: например, швейцарские суды признавали недействительной сделку в случае, когда директор совершил сделку с компанией, которая на 100% принадлежала ему (см.: Папченкова Е.А. Указ. соч. С. 62–63).

Отнесение единоличного исполнительного органа к числу заинтересованных лиц не вызывает вопросов (он совершает сделку, а потому его заинтересованность в ней представляет непосредственную угрозу), но случаи, когда стороной сделки и (или) выгодоприобретателем является член совета директоров (иного коллегиального органа) или участник, обладающий более 20% голосов, а равно связанные с ними лица, требуют определенных пояснений.

Представляется, что закон справедливо исходит из идеи о том, что член совета директоров (иного коллегиального органа) или участник, обладающий более 20% голосов, хотя и не могут самостоятельно действовать от имени общества, тем не менее способны повлиять на принятие решения о совершении сделки. Это может привести к возникновению конфликта интересов, как и в случае с представителем, а значит, востребованы аналогичные решения.

На то, что п. 3 ст. 182 ГК РФ представляет собой явление одного рода со сделками с заинтересованностью, обращает внимание и А.М. Ширвиндт. Он приводит эти нормы как одну из разновидностей внешнего ограничения полномочий, установленных законом. Они имеют целью по возможности исключить бесконтрольное совершение представителем или органом сделок в ситуации конфликта интересов — когда есть риск, что представитель или орган предпочтет интересу представляемого или юридического лица свой собственный интерес либо интересы так или иначе связанных с ним лиц¹².

Следовательно, нормы о сделках с заинтересованностью также можно рассматривать как частный случай п. 2 ст. 174 ГК РФ.

Помимо того что правила о сделках с заинтересованностью, подобно п. 3 ст. 182 ГК РФ, направлены на борьбу с негативными последствиями сделок с конфликтом интересов, важно отметить, что условия для признания сделки с заинтересованностью недействительной такие же, как и в случае с п. 2 ст. 174 ГК РФ: она должна быть совершена в ущерб интересам общества. О наличии негативных последствий сделки с заинтересованностью как одном из условий для признания ее недействительной говорится в абзаце пятом п. 5 ст. 45 Закона об ООО и абзаце пятом п. 1 ст. 84 Закона об АО.

Более того, для признания сделок с заинтересованностью недействительными важно намерение причинить ущерб. Так, в абзаце втором п. 3 постановления Пленума ВАС РФ от 20.06.2007 № 40 (далее — постановление № 40) отмечается, что суд принимает во внимание, какие цели преследовали стороны при совершении сделки, отвечающей признакам сделки с заинтересованностью, было ли у них намерение таким образом ущемить интересы акционеров, повлекла ли эта сделка убытки для акционерного общества, не являлось ли ее совершение способом предотвращения еще больших убытков.

Пункт 2 ст. 174 ГК РФ также исходит из того, что сделка признается недействительной не просто из-за ее невыгодности, а по причине наличия сговора либо иных совместных действий представителя и другой стороны сделки в ущерб ин-

¹² См.: Ширвиндт А.М. Указ. соч. С. 38.

тересам представляемого. При этом явная невыгодность служит лишь способом доказывания такого злонамеренного сговора.

Г.Е. Авилов тоже указывал на то, что правила об оспаривании сделок с заинтересованностью похожи на ст. 179 ГК РФ (в ред. до 01.09.2013), помимо прочего предусматривающую возможность признания недействительной сделки, совершенной под влиянием злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной¹³.

Проблема сделок с конфликтом интересов, когда директор (член коллегиального органа управления) или контролирующий участник (акционер) при принятии решения могут действовать в своих собственных интересах или в интересах иных лиц, а не управляемой ими компании, известна и развитым зарубежным правовым порядкам¹⁴. При этом в литературе справедливо отмечается, что применительно к некоторым типам компаний, например небольшому бизнесу, совершение такого рода сделок, скорее, правило. В качестве контрагентов нередко выступают родственники директора (мажоритарного участника) или принадлежащие им компании либо иные тесно связанные с компанией лица (такие инсайдеры готовы вступить в сделки на лучших условиях, поскольку знакомы с бизнесом изнутри)¹⁵.

Известно несколько способов предотвращения негативных последствий сделок с конфликтом интересов:

- 1) обязательное раскрытие информации о совершении такого рода сделок;
- 2) введение особого порядка одобрения сделок с заинтересованностью (наблюдательным советом или общим собранием участников (акционеров), в этих случаях голосуют незаинтересованные лица);
- 3) полный запрет подобных сделок (например, во Франции запрещены займы в пользу менеджеров, а также выдача поручительства по их долгам (ст. 225-43 и 225-91 Коммерческого кодекса Франции))¹⁶.

В качестве мер борьбы с последствиями этих сделок используются взыскание убытков, оспаривание сделок и решений об их одобрении, а также уголовные санкции¹⁷.

¹³ См.: Комментарий к Федеральному закону об акционерных обществах / под ред. Г.С. Шапкиной. С. 196–197 (автор комментария — Г.Е. Авилов).

¹⁴ См.: Cahn A., Donald D.C. *Comparative company law: text and cases on the laws governing corporations in Germany, the UK and the USA*. Cambridge, 2010. P. 333–334, 337–338; Enriques L., Hertig G., Kanda H. *Related-Party Transaction // The Anatomy of Corporate Law: A Comparative and Functional Approach*. Oxford, 2009. P. 153–154.

¹⁵ См.: Enriques L., Hertig G., Kanda H. *Op. cit.* P. 154–155.

¹⁶ См.: Enriques L., Hertig G., Kanda H. *Op. cit.* P. 153–173; Conac P.-H., Enriques L., Gelter M. *Constraining Dominant Shareholders' Self-Dealing: The Legal Framework in France, Germany, and Italy // European Company and Financial Law Review*. 2007. Vol. 4. P. 498–506. URL: <http://ssrn.com/abstract=1532221>; Gerner-Beuerle C., Schuster Edm.-Ph. *Mapping Directors' Duties: Strategies and Trends in the EU // Boards of Directors in European Companies — Reshaping and Harmonising Their Organisation and Duties / H. Birkmose, M. Neville, K.E. Sørensen (eds.)*. Kluwer Law International. 2013. P. 25–28.

¹⁷ См.: Enriques L., Hertig G., Kanda H. *Op. cit.* P. 173–182; Conac P.-H., Enriques L., Gelter M. *Op. cit.* P. 507–522.

С учетом темы настоящей работы особо стоит отметить, что оспаривание сделок с конфликтом интересов возможно в том числе в основных континентальных правовых порядках, таких как Германия, Франция и Италия. Например, в Германии возможно оспаривание сделок в случае, если директор вступил в сговор с контрагентом с целью совершения сделки во вред компании¹⁸. К директорам подлежат применению нормы о запрете представителю сделок с конфликтом интересов (§ 181 Германского гражданского уложения)¹⁹. Также исходя из правила § 57 Закона Германии об акционерных обществах (далее — Закон Германии об АО) возможно потребовать от акционера возврата незаконно полученной прибыли, в том числе если такая прибыль была выплачена в скрытой форме в обход правил о выплате дивидендов²⁰. Следует упомянуть и § 112 Закона Германии об АО, который указывает, что сделка, стороной по которой выступает член правления, заключается от имени акционерного общества наблюдательным советом.

В свою очередь § 89 Закона Германии об АО устанавливает, что членам правления кредит может быть предоставлен только по решению наблюдательного совета. Аналогичные правила применяются к предоставлению кредита супругам, партнерам по совместной жизни или несовершеннолетним детям членов правления, любым третьим лицам, которые действуют за счет перечисленных лиц, а также юридическому лицу, в котором упомянутые лица выступают законными представителями или членами наблюдательного совета, а также торговым товариществам, где указанные лица являются товарищами. Сделки, совершенные с нарушением упомянутых запретов, квалифицируются как совершенные без полномочия, но они могут быть подтверждены впоследствии²¹.

В Италии также допускается оспаривание сделки с конфликтом интересов, причинившей вред компании, по общим правилам о представительстве²². Во Франции для этого предусмотрены специальные нормы в Коммерческом кодексе. Примечательно, что правом на оспаривание сделки обладает как сама компания, так и ее акционер (ст. 225-42 и 225-90 Коммерческого кодекса Франции)²³.

¹⁸ См.: Егоров А.В. *Сделки, противные основам правового порядка и нравственности: в России и за рубежом // Liber Amicorum в честь 50-летия А.Н. Жильцова. Трансграничный оборот и право: сб. ст. и эссе: междунар. коммер. арбитраж, междунар. частное право, сравнительное, гражд. право и процесс, право междунар. торговли, экон. анализ права / сост. и науч. ред. А.И. Муранов, В.В. Плеханов. М., 2013. С. 57.*

¹⁹ См.: Conac P.-H., Enriques L., Gelter M. *Op. cit.* P. 500 (fn. 19), 517.

²⁰ См.: Conac P.-H., Enriques L., Gelter M. *Op. cit.* P. 502; Fleischer H. *Disguised Distributions and Capital Maintenance in European Company Law // Legal Capital in Europe / M. Lutter (ed.). Berlin, 2006. P. 95–97.* Аналогичные правила используются и в Австрии. В швейцарском праве эти нормы покрывают более широкий круг случаев: возможно потребовать от акционера, члена правления и связанных с ними лиц возврата недобросовестно полученных прибыли, дивидендов, тантъемы и т.п., а также любых иных выплат, если их размер находится в очевидной диспропорции по отношению к встречному удовлетворению или коммерческой позиции получателя таких выплат в обществе (ст. 678 Швейцарского обязательственного закона) (см.: Fleischer H. *Op. cit.* P. 105–108).

²¹ См.: Enriques L. *The Law on Company Directors' Self-Dealing: A Comparative Analysis // International and Comparative Corporate Law Journal. 2000. Vol. 2. № 3. P. 316–317. URL: <http://ssrn.com/abstract=135674>; Conac P.-H., Enriques L., Gelter M. *Op. cit.* P. 517. Напомним, что российское право исходит из оспоримости сделки, а решение об одобрении сделки рассматривается не как возмездное на совершение сделки, а как согласие (последующее одобрение) — внешний по отношению к сделке элемент.*

²² См.: Conac P.-H., Enriques L., Gelter M. *Op. cit.* P. 516.

²³ *Ibid.*

Бремя доказывания нарушения прав и законных интересов сделкой с конфликтом интересов. Установление единства природы п. 3 ст. 182 ГК РФ и правил о сделках с заинтересованностью позволяет сделать простой вывод: доказывание конфликта интересов во всех этих случаях необходимо лишь для того, чтобы переложить на сторону сделки (выгодоприобретателя) бремя доказывания того, что сделка не причинила вреда представляемому. Сам по себе конфликт интересов не может служить основанием для признания сделки недействительной.

Однако в российской судебной практике и доктрине рассмотрение правил о сделках с заинтересованностью сосредоточилось на формальной стороне дела, а именно обсуждении того, насколько широко следует понимать заинтересованность, и прочих технических аспектов процедуры одобрения²⁴. Например, О.В. Гутников исходит из того, что основным условием признания недействительной сделки с заинтересованностью является несоблюдение порядка ее одобрения²⁵.

Особенно показательно, что в отечественной доктрине и судебной практике нередко сделки с заинтересованностью рассматриваются в одном ряду с крупными сделками²⁶ (см. п. 2.11 проекта концепции развития законодательства о юридических лицах), тогда как первые не являются в полном смысле этого слова сделка-

²⁴ См., напр.: Габов А.В. Указ. соч. С. 128–356; Маковская А.А. Сделки с заинтересованностью и порядок их одобрения акционерным обществом. С. 9–115.

²⁵ См.: Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве (теория и практика оспаривания). 3-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 375. Однако надо добавить, что на следующей странице своей работы автор оговаривает, что, как и любые оспоримые сделки, сделка с заинтересованностью лишь только «может быть признана судом недействительной». Из этого О.В. Гутников делает вывод: суд может оставить сделку в силе, если права и законные интересы юридического лица не будут нарушены в результате совершения сделки (аналогичное обоснование см.: Шапкина Г.С. Применение акционерного законодательства. М., 2009. С. 160). На наш взгляд, едва ли слова «может быть признана» могут служить убедительным обоснованием, поскольку их использование подразумевает лишь право суда признать сделку недействительной. Более того, как убедительно показывает Д.О. Тузов, разделение сделок на оспоримые и ничтожные является в конечном счете произволом законодателя (см.: Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М., 2007. С. 281–300).

²⁶ См., напр.: Гутников О.В. Указ. соч. С. 332–338. Смещение крупных сделок и сделок с заинтересованностью допускает и закон. Так, п. 5 ст. 79 Закона об АО устанавливает: если крупная сделка одновременно является сделкой, в совершении которой имеется заинтересованность, к порядку ее совершения применяются только положения Закона о порядке одобрения сделок с заинтересованностью. Однако, как известно, голосование против одобрения крупной сделки в некоторых случаях дает право потребовать выкупа акций (ст. 75 Закона об АО). Президиум ВАС РФ в одном из дел увидел эту проблему, предложив следующее решение: «При одобрении общим собранием акционеров крупной сделки по правилам об одобрении сделки с заинтересованностью акционер не лишается права требовать от акционерного общества выкупа принадлежащих ему акций» (постановление Президиума ВАС РФ от 05.10.2010 № 5438/10). Неудачность решения, на наш взгляд, заключается в том, что в результате права потребовать выкупа акций оказываются лишены те, кто в силу заинтересованности не мог участвовать в голосовании об одобрении сделки. Не говоря уже о том, что процедура одобрения крупной сделки направлена и на предоставление акционерам возможности принять решение, которое существенно повлияет на бизнес (продажа активов, составляющих более 25% от общей стоимости имущества общества). Заинтересованные акционеры не должны быть ущемлены в этом праве (особенно в условиях, когда критерии заинтересованности носят формальный характер). Представляется, что возможным решением было бы двойное одобрение сделки. Например, можно было бы проводить одно голосование, а подсчет голосов осуществлять по правилам о крупных сделках, а затем по правилам о сделках с заинтересованностью (это также позволило бы сделать так, чтобы акционер голосовал фактически один раз). Недостаток голосов «за» хотя бы в одном из двух случаев означал бы отказ в одобрении сделки.

ми, требующими согласия. В случае со сделками с заинтересованностью решение об одобрении помешает оспорить сделку²⁷, но отсутствие одобрения, как мы показали выше, лишь заставит ответчика доказывать, что сделка была совершена на таких же условиях, как и с любым третьим лицом, т.е. не нарушала интересов общества.

Нужно признать, что отчасти причиной такого положения дел стал несовершенный текст закона, на что справедливо обращает внимание А.А. Маковская²⁸. Однако нельзя отрицать и того, что это также является следствием рассмотрения норм об оспаривании сделок с заинтересованностью вне общей системы составов недействительных сделок ГК РФ²⁹.

В борьбе с «формализмом» закона в одном из дел 2002 г. Президиум ВАС РФ указывает, что нарушение процедуры одобрения само по себе недостаточно для признания сделки недействительной, необходимо также, чтобы сделка нарушала права и охраняемые законом интересы акционера³⁰. В дальнейшем эта позиция нашла отражение в п. 38 постановления Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 № 19 (далее — постановление № 19). Так, О.Р. Зайцев вполне справедливо замечает, что несоблюдение процедуры одобрения сделки с заинтересованностью не может быть тем нарушением прав и законных интересов, которое необходимо для признания этой сделки недействительной³¹.

Однако ВАС РФ не остановился на констатации того, что для признания сделки недействительной необходимо, чтобы она также нарушала права и законные ин-

²⁷ Однако даже это спорно. Например, может ли тот факт, что общее собрание участников одобрило заведомо невыгодную сделку в пользу аффилированного лица директора, помешать миноритариям, голосовавшим против, оспорить сделку на основании п. 2 ст. 174 ГК РФ? На наш взгляд, ответ далеко не однозначный. И даже если возможность оспаривания исключена, миноритарий должен получить право взыскать убытки в пользу общества со всех, кто одобрял такую сделку. В противном случае получается, что большинство может экспроприировать имущество меньшинства (активы общества выводятся без соразмерной компенсации).

²⁸ См.: Маковская А.А. Сделки с заинтересованностью и порядок их одобрения акционерным обществом. С. 5.

²⁹ Любопытно, что толкование норм о запрете представителю сделок с самим собой прошло похожие этапы. Так, еще В.А. Рясенцев в своей работе вынужден был обосновывать, во-первых, оспариваемость таких сделок (большинство в доктрине в то время стояло за их ничтожность), а во-вторых, что оспаривание предполагает лишь доказывание факта заключения сделки представителем с самим собой, а отсутствие вреда доказывает уже представитель (см.: Рясенцев В.А. Указ. соч. С. 219–225). В постсоветский период вывод о том, что такие сделки являются не ничтожными, а оспариваемыми, впервые прозвучал лишь в постановлении Президиума ВАС РФ от 16.06.2009 № 17580/08 (подробнее обсуждение этого вопроса см.: Егоров А.В. Комментарий к постановлению Президиума ВАС РФ от 16.06.2009 № 17850/08. С. 216–218, 221–223). В настоящее время эта позиция прямо отражена в действующей редакции п. 3 ст. 182 ГК РФ. В зарубежных законодательствах нормы, аналогичные российскому п. 3 ст. 182, также понимаются не как абсолютный запрет, а как установление некоей минимальной процедуры, в которой должны совершаться такого рода сделки (см.: Enriques L. Op. cit. P. 305).

³⁰ См.: постановление Президиума ВАС РФ от 12.11.2002 № 6288/02.

³¹ См.: Зайцев О.Р. Комментарий к постановлению Пленума ВАС РФ от 20.06.2007 № 40 «О некоторых вопросах практики применения положений законодательства о сделках с заинтересованностью» // Практика рассмотрения коммерческих споров: анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума ВАС РФ. М., 2009. Вып. 9. С. 28.

тересы акционера. Постановление Президиума ВАС РФ от 12.11.2002 № 6288/02, а вслед за ним и абзац второй п. 38 постановления № 19 возлагают бремя доказывания того, что сделка совершена во вред акционеру, на истца: «Иски акционеров о признании недействительными сделок, заключенных акционерными обществами, могут быть удовлетворены в случае представления доказательств, подтверждающих нарушение прав и законных интересов акционера». На это же обращается внимание и в комментариях³².

Некоторую сумятицу в этот вопрос внес п. 3 постановления № 40, где в первом абзаце указывалось, что «доказательства отсутствия неблагоприятных последствий представляются ответчиком», а в третьем абзаце утверждается: «...на истца возлагается бремя доказывания того, каким образом оспариваемая сделка нарушает его права и законные интересы»³³.

В настоящее время распределение бремени доказывания отражено в действующей редакции абзаца пятого п. 1 ст. 84 Закона об АО и абзаца пятого п. 5 ст. 45 Закона об ООО, которые закрепляют следующее: суд отказывает в удовлетворении требований о признании сделки недействительной в случае, если «не доказано, что совершение данной сделки повлекло или может повлечь за собой причинение убытков обществу или акционеру, обратившемуся с соответствующим иском, либо возникновение иных неблагоприятных последствий для них». Из приведенных положений можно сделать вывод, что по общему правилу наличие убытков и иных неблагоприятных последствий не считается доказанным. Также очевидно, что доказывать это будет истец.

В пользу такого подхода высказывались отдельные авторы, которые отмечали, что это соответствует доказательственным возможностям истца, так как у него больше, чем у ответчика (стороны по сделке), информации о том, какие последствия повлекла сделка для общества, как она повлияла на его интересы³⁴.

Между тем такой подход, как на уровне судебной практики, так и будучи закрепленным в тексте закона, вызывает следующие возражения:

- 1) с учетом действующего регулирования в виде п. 2 ст. 174 ГК РФ, который позволяет признать недействительной сделку, совершенную явно в ущерб представляемому, не вполне понятно, какое место будут занимать нормы об оспаривании сделок с заинтересованностью, если в любом случае именно истец будет вынужден представлять доказательства того, что она совершена в ущерб обществу. Между тем оспаривание сделки с заинтересованностью требует доказывания наличия заинтересованности и т.д. Возможно, истцу будет проще сосредоточиться только на доказывании явного ущерба в соответствии с п. 2

³² См.: *Маковская А.А. Сделки с заинтересованностью и порядок их одобрения акционерным обществом. С. 134–135; Зайцев О.Р. Указ. соч. С. 31.*

³³ *О наличии противоречий в этом пункте упоминалось в отдельных публикациях (см., напр.: Зайцев О.Р. Указ. соч. С. 30–31; Гудиева А.М. Понятие выгодоприобретателя и основания признания недействительными сделок с заинтересованностью // Корпоративный юрист. 2007. № 10. С. 50).*

³⁴ См.: *Зайцев О.Р. Указ. соч. С. 31.*

ст. 174³⁵. Иными словами, получается, что нормы о сделках с заинтересованностью ничем не облегчают оспаривание сделки, совершенной в ущерб интересам общества, и конфликт интересов остается без негативных последствий для контрагента, который сознательно пошел на такую сделку;

- 2) если истец доказал наличие конфликта интересов, то вполне разумно предположить, что оправдываться относительно обстоятельств, связанных с этой сделкой, должен именно контрагент-ответчик, который совершил сделку, зная о наличии конфликта интересов³⁶;
- 3) возникает вопрос, насколько с точки зрения принципа равенства справедливо, что правила п. 3 ст. 182 ГК РФ исходят из презумпции наличия ущерба от сделки с конфликтом интересов, а нормы о сделках с заинтересованностью — из обратного. Иными словами, получается, что хозяйственные общества находятся в худшем положении в отношениях со своими директорами, чем с представителями³⁷. Ситуация обостряется еще и тем, что Президиум ВАС РФ при рассмотрении одного из дел высказался о возможности применения п. 3 ст. 182 ГК РФ к сделкам, заключенным единоличным исполнительным органом³⁸.

В связи с этим полагаем, что если истец представил доказательства конфликта интересов, то наличие ущерба интересам общества от такой сделки должно презюмироваться, и ответчик-контрагент, чтобы опровергнуть это предположение и

³⁵ До 01.09.2013 можно было бы обосновать необходимость наличия отдельных норм об оспаривании сделок с заинтересованностью тем, что в ГК РФ отсутствовала общая норма, которая бы предусматривала недействительность сделки, заключенной явно в ущерб представляемому, и, соответственно, акционерам (участникам) для того, чтобы оспорить сделку недобросовестного директора, ничего не оставалось, кроме как обосновать, что сделка заключена без надлежащего одобрения и т.п. Хотя, конечно, существовала практика предъявления исков об оспаривании сделок на основании ст. 10 и 168 ГК РФ (в ред. до 01.09.2013) (см.: постановление Президиума ВАС РФ от 20.05.2008 № 15756/07).

³⁶ Несправедливость действующего правила можно продемонстрировать на самом крайнем примере: директор продает имущество общества сам себе, а на участника или само общество, которые просят признать сделку недействительной, возлагается бремя доказывания того, что сделка повлекла нарушение их прав и законных интересов.

³⁷ Вряд ли можно удовлетвориться так любимым в российской доктрине возражением «директор не представитель». Должно быть внятное объяснение справедливости такого решения, при котором, если сделку с самим собой заключил директор, нужно доказать еще и вред от сделки, а если представитель — то наличие вреда предполагается. Не говоря уже о том, что позиция о невозможности применения к директору правил о представительстве сама по себе в последнее время подвергается справедливой критике (см., напр.: Егоров А.В. Комментарий к постановлению Президиума ВАС РФ от 16.06.2009 № 17580/08. С. 218–220). Существующее в российском праве резкое противопоставление представителя и органа является наследием доктрины советского периода, которая в свою очередь позаимствовала это из ранних взглядов в зарубежной литературе. Верность этой позиции была поставлена под сомнение еще в начале XX в. (см.: Вольф В.Ю. Основы учения о товариществах и акционерных обществах. М., 1927. С. 125–126).

³⁸ См.: постановление Президиума ВАС РФ от 16.06.2009 № 17580/08. Еще раньше аналогичная позиция находила отражение в п. 13 Обзора практики разрешения споров по сделкам, связанным с размещением и обращением акций, утвержденного информационным письмом Президиума ВАС РФ от 21.04.1998 № 33. Следует отметить, что это постановление свидетельствует о возврате высшей судебной инстанции к позиции, согласно которой к директору подлежат применению положения о представительстве, поскольку, например, в постановлении Президиума ВАС РФ от 21.09.2005 № 6773/05 говорилось о неприменимости к нему п. 3 ст. 182 ГК РФ (подробнее об этом см.: Егоров А.В. Комментарий к постановлению Президиума ВАС РФ от 16.06.2009 № 17580/08. С. 216–218).

сохранить сделку в силе, должен показать, что она была совершена на обычных условиях, как если бы она была совершена с любым третьим лицом, т.е. не была направлена на причинение вреда обществу.

Единственное исключение из правила о возложении бремени доказывания на ответчика, на наш взгляд, необходимо сделать в тех случаях, когда сделка нарушила права и законные интересы участника (акционера), но не общества. Только в этой ситуации истец — участник (акционер) несет бремя представления доказательств такого нарушения даже в случае конфликта интересов.

Вопрос здесь не столько в том, что никто, кроме участника (акционера), не может знать лучше, каким образом сделка нарушила его права и законные интересы³⁹, сколько в том, что в данном случае мы наблюдаем нечто иное, чем оспаривание сделки на основании совершения ее в ущерб представляемому (обществу).

В литературе отмечалось, что поскольку иск участника (акционера) об оспаривании сделки является косвенным, т.е. предъявляется в защиту интересов общества, то «вряд ли истец должен доказывать нарушение лично принадлежащих ему имущественных прав»⁴⁰.

Как видится, сводить все только к оценке сделки в плоскости «выгодно — невыгодно» для общества было бы значительным упрощением. У участника (акционера) имеются и иные законные интересы, кроме прибыльности общества. Сделка может быть абсолютно нейтральна с точки зрения интересов общества, но одновременно негативно отразиться на интересах части участников (акционеров).

Так, в одном из дел Президиум ВАС РФ признал недействительной сделку по внесению всего имущества общества в качестве вклада в уставный капитал дочернего общества⁴¹. Отказывая в удовлетворении требования о признании ее недействительной, нижестоящие суды исходили из того, что истцы не доказали, каким образом оспариваемая сделка нарушает их права и законные интересы. По мнению судов, все преимущества от сделки по внесению имущества в уставный капитал дочернего общества возникают у основного общества.

Президиум ВАС РФ, отменяя состоявшиеся судебные акты, отметил, что в результате совершения оспариваемой сделки основное общество полностью потеряло производственную базу, необходимую для осуществления основной хозяйственной деятельности, а истцы лишились возможности принимать в будущем управленческие решения в отношении переданного имущества. Фактически функции по распоряжению им перешли к единоличному исполнительному органу дочернего общества, что нарушает баланс интересов участников корпоративных отношений.

³⁹ См.: Маковская А.А. Комментарий к постановлению Пленума ВАС РФ от 20.06.2007 № 40 «О некоторых вопросах практики применения положений законодательства о сделках с заинтересованностью» // *Хозяйство и право*. 2008. № 3. С. 45.

⁴⁰ См.: Ярков В.В. *Косвенные иски: проблемы теории и практики* // СПС КонсультантПлюс.

⁴¹ См.: постановление Президиума ВАС РФ от 02.11.2010 № 8366/10.

Важным моментом было также то, что в дочернем обществе генеральным директором являлся один из крупных акционеров основного общества, т.е. для основного общества никаких потерь от сделки не наблюдалось. В то же время она была направлена против миноритарных акционеров основного общества.

На наш взгляд, Президиум ВАС РФ разрешил это дело в абсолютно верном ключе, наполнив смыслом слова «совершение данной сделки повлекло или может повлечь за собой причинение убытков обществу или *акционеру, обратившемуся с соответствующим иском* (курсив наш. — А.К.), либо возникновение иных неблагоприятных последствий для них».

Значение обсуждаемого решения высшего суда выходит далеко за рамки темы оспаривания крупных сделок и сделок с заинтересованностью и еще не в полной мере осмыслено в российской литературе. В буквальном смысле оно открыло новую страницу в возможностях защиты прав миноритарных участников (акционеров) в российском праве.

В зарубежных правопорядках уже давно обсуждается проблема притеснения миноритариев в ситуации, когда мажоритарий принимает решения, которые негативно влияют не столько на сам бизнес, сколько на возможность выгодного участия в нем других участников (акционеров). Например, в английском праве для решения этой проблемы предусмотрен специальный иск против несправедливого притеснения (ст. 994–996 Закона о компаниях 2006 г.)⁴². В Германии также существуют похожие средства: участник в обществе с ограниченной ответственностью может потребовать выкупа своей доли в случае притеснения со стороны другого участника либо исключения последнего⁴³. Особо стоит отметить, что в германском акционерном праве предусмотрена целая система норм, направленная на предотвращение нарушения прав акционеров и кредиторов субсидиарного общества, так называемое *Konzernrecht* (§ 291–328 Закона Германии об АО)⁴⁴. В праве Дании существует возможность оспорить сделку, если она влечет предоставление одним участникам неправомерных преимуществ над другими участниками или компанией⁴⁵.

Наличие конфликта интересов. Одним из самых непростых аспектов темы является определение того, в каких случаях сделка заключена под влиянием конфликта интересов.

Российский законодатель в п. 1 ст. 81 Закона об АО и п. 1 ст. 45 Закона об ООО устанавливает, что заинтересованность в сделке члена совета директоров (наблюдательного совета) общества, лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа, в том числе управляющей организации или управляющего, чле-

⁴² См.: Vries P.P. de. *Exit rights of minority shareholders in a private limited company*. Deventer, 2010. P. 81–137.

⁴³ *Ibid.* P. 157–171.

⁴⁴ См.: Enriques L., Hertig G., Kanda H. *Op. cit.* P. 176–177.

⁴⁵ См.: Andersen P.K., Sorensen E.J.B. *The Danish Companies Act — a modern and competitive European law*. Copenhagen, 2012. P. 228.

на коллегиального исполнительного органа или участника (акционера), имеющего совместно с его аффилированными лицами 20% голосов и более, а также лица, имеющего право давать обществу обязательные для него указания, имеет место в тех случаях, когда они, их супруги, родители, дети, полнородные и неполнородные братья и сестры, усыновители и усыновленные и (или) их аффилированные лица:

- являются стороной, выгодоприобретателем, посредником или представителем в сделке;
- владеют (каждый в отдельности или в совокупности) 20 и более процентами акций (долей, паев) юридического лица, выступающего стороной, выгодоприобретателем, посредником или представителем в сделке;
- занимают должности в органах управления юридического лица, являющегося стороной, выгодоприобретателем, посредником или представителем в сделке, а также должности в органах управления управляющей организации такого юридического лица;
- в иных случаях, определенных уставом общества.

Другими словами, эти нормы призваны определить, какие типы связей позволяют предположить, что сделка совершена под влиянием конфликта интересов.

В российской доктрине приведенные нормы подверглись разрушительной критике. Так, А.А. Маковская отмечает, что одним из самых серьезных пороков правовой конструкции, закрепленной в главе XI Закона об АО, стал строго формальный подход законодателя к определению понятия «лицо, заинтересованное в совершаемой обществом сделке». В частности, с одной стороны, законодатель рассматривает «заинтересованность» в совершении обществом сделки не как субъективное отношение заинтересованного лица к сделке, а как определенный объективный факт, о котором свидетельствует наличие названных в Законе условий. При этом не принимается во внимание, есть ли действительный (имущественный или иной гражданско-правовой) интерес у конкретного лица в совершении обществом сделки и реальная возможность воздействовать на общество и использует ли оно эту возможность на практике. С другой стороны, по мнению автора, перечень лиц, которые могут иметь заинтересованность в совершении обществом сделки, и круг условий, при которых они считаются имеющими такую заинтересованность, как показал опыт применения правил главы XI Закона, охватывают отнюдь не все случаи, когда в совершаемых обществом сделках заинтересованы лица, обладающие возможностью влиять на поведение общества⁴⁶.

А.В. Габов также обращает внимание на то, что нормы Закона пытаются охватить наибольшее число возможных связей субъектов права без учета факта реальной заинтересованности и вместе с тем не учитывают наличия заинтересованности в случаях, не упомянутых в законе⁴⁷.

⁴⁶ См.: Маковская А.А. *Сделки с заинтересованностью и порядок их одобрения акционерным обществом*. С. 4–5.

⁴⁷ См.: Габов А.В. *Указ. соч.* С. 388–389.

Разумеется, подобный прием — формальное перечисление ситуаций, в которых имеется конфликт интересов — встречается также и в зарубежном законодательстве. Например, упоминавшийся выше § 89 Закона Германии об АО, перечисляющий, в каких случаях выдача кредита должна осуществляться по решению наблюдательного совета, содержит перечень лиц, куда помимо члена правления также входит круг связанных с ним лиц. Этот список подвергается критике как за излишнюю подробность, так и за заведомую неполноту⁴⁸.

На наш взгляд, подход, предполагающий формализацию ситуаций, в которых наличие конфликта интересов презюмируется, является если не единственным возможным, то как минимум не лишенным логики, и в его пользу можно привести ряд аргументов:

- 1) с точки зрения правовой определенности едва ли можно было бы ограничиваться простым указанием на конфликт интересов или заинтересованность, не раскрывая хотя бы примерный перечень связей, которые позволяют предполагать его наличие;
- 2) нередко критика происходит от непонимания того, что конфликт интересов сам по себе необязательно приводит к недействительности сделки, для этого необходимо еще и наличие нарушения интересов общества такой сделкой;
- 3) если исходить из правила, согласно которому доказанность конфликта интересов всего лишь перекладывает на ответчика бремя доказывания отсутствия неблагоприятных последствий сделки, нет ничего страшного в том, что в ряде случаев под действие норм о сделках с заинтересованностью подпадут ситуации, когда наличие связи с контрагентом никак не повлияло на представителя. Как видится, совершая сделку, подпадающую под признаки, описанные в соответствующих статьях, директор и контрагент должны быть готовы доказать, что сделка совершена на условиях «вытянутой руки», т.е. так же, как и с любым третьим лицом. Во избежание этого контрагент может попросить директора, чтобы конфликт интересов был раскрыт и сделка одобрена;
- 4) претензии к излишне подробному перечню ситуаций, в которых заинтересованность презюмируется, игнорируют то, что каждый из перечисленных случаев действительно по общему правилу может вызвать вопрос о справедливости условий такой сделки у участников (акционеров);
- 5) обратные доводы, согласно которым приведенный список не полон, не учитывают того простого факта, что доказывание конфликта интересов имеет объективные пределы. Подлинные намерения директора узнать нельзя, а значит, мы можем только предполагать наличие конфликта интересов в некоторых ситуациях. Вопрос о том, придать ли этому предположению правовое значение, решается, по существу, исходя из сложившихся стандартов поведения в деловой практике. Например, не вызывает никаких сомнений, что сделка директора с самим собой или со своим родственником либо с обществом, где они имеют долю в уставном капитале, с точки зрения большинства будет оцениваться как сделка с конфлик-

⁴⁸ См.: *Enriques L. Op. cit. P. 317 (fn. 117).*

том интересов. Соответственно, оправданным выглядит наступление негативных последствий нераскрытия такого конфликта интересов и совершения сделки без одобрения. Напротив, случаи, где связь далеко не очевидна (например, сделка директора с другом), уже не всегда дают основания для того, чтобы с уверенностью возложить на контрагента бремя доказывания отсутствия вреда от сделки⁴⁹. В подобных обстоятельствах в дело вступают другие аргументы со стороны истца, например о том, что сделка совершена заведомо в ущерб обществу. Однако в такой ситуации решительно непонятно, зачем дополнительно доказывать заинтересованность, ведь того, что сделка совершена заведомо в ущерб интересам общества, уже достаточно для признания ее недействительной на основании п. 2 ст. 174 ГК РФ. Как справедливо отмечает А.М. Ширвиндт, нормы о сделках с заинтересованностью бессильны, когда не удастся доказать наличие каких бы то ни было связей между директором и контрагентом (выгодоприобретателем), и не исключено, что эти связи носили ситуативный характер, сводясь к сговору о выводе и дележе активов общества⁵⁰;

- б) следует понимать, что сделки с заинтересованностью объективно являются конструкцией, которая ограничивает возможности крупного участника по управлению обществом; можно рассматривать это ограничение как неизбежную плату за соблюдение прав миноритариев⁵¹.

В то же время негативное отношение к формальным критериям заинтересованности привело к закреплению в российской доктрине и судебной практике позиции, согласно которой необходимо учитывать добросовестность контрагента, т.е. знал ли он о том, что сделка требовала одобрения как сделка с заинтересованностью, но не была одобрена.

Так, Е.А. Суханов, комментируя положения Закона об ООО в 1998 г., указывал: сделки с заинтересованностью являются оспоримыми и их действительность зависит от доказанности того, что контрагент по сделке знал или заведомо должен был знать о таких ограничениях, при этом ученый ссылаясь на ст. 174 ГК РФ. Одновременно автор критиковал сложившуюся на тот момент судебную практику признания таких сделок недействительными на основании ст. 168 ГК РФ. По его мнению, обычный контрагент вряд ли в состоянии сам выявить участников общества

⁴⁹ *Проблему расширения перечня лиц, сделка с которыми будет считаться сделкой с заинтересованностью, следует отделять от проблемы обхода уже действующего перечня лиц, например путем создания обществ, находящихся под косвенным контролем, в том числе в офшорах. В таких случаях, на наш взгляд, нормы о сделках с заинтересованностью должны получать расширительное толкование со ссылкой на п. 4 ст. 1 и ст. 10 ГК РФ.*

⁵⁰ *См.: Ширвиндт А.М. Указ. соч. С. 38.*

⁵¹ *Так, А.В. Габов выдвигает тезис о том, что такие жесткие правила о порядке совершения сделок с заинтересованностью создают препятствия для деятельности компаний с крупным участником, который, по выражению автора, владеет крупным пакетом акций не для спортивного интереса. То же самое автор говорит и о случаях с холдинговыми компаниями (см.: Габов А.В. Указ. соч. С. 382). Подобная позиция, очевидно, ведет к игнорированию прав миноритариев. Извлечение выгод из компании само по себе не является неправомерным, в то же время такому мажоритария следует позаботиться о том, чтобы произвести выкуп долей (акций) у мелких участников. Недопустимо, чтобы имущество компании выводилось по желанию корпоративного большинства на любых условиях — это было бы экспроприацией собственности у миноритариев.*

или членов его органов, заинтересованных в совершении сделки, и предъявление к нему таких требований представляется чрезмерным и без нужды осложняющим нормальный имущественный оборот⁵².

О.В. Гутников в 2007 г. также отмечал: для защиты добросовестного контрагента полезно было бы возложить на истца обязанность доказывания того, что другая сторона в сделке знала или должна была знать о необходимости одобрения сделки иным органом общества, а также об отсутствии такого одобрения⁵³.

Вслед за доктриной упомянутая позиция получила отражение и в судебной практике. Пункт 2 постановления № 40 устанавливает: в удовлетворении иска об оспаривании сделки как совершенной с нарушением порядка ее одобрения может быть отказано, если будет установлено, что другая сторона в двусторонней сделке или выгодоприобретатель по односторонней сделке не знали и не должны были знать о наличии признаков заинтересованности в сделке и несоблюдении установленного порядка ее совершения. В настоящее время это прямо следует из п. 5 ст. 84 Закона об АО и п. 5 ст. 45 Закона об ООО.

На наш взгляд, идея о том, что сделка не должна признаваться недействительной, если контрагент не знал о необходимости ее одобрения, демонстрирует, что формальный момент — получение одобрения — до сих пор играет значительную роль в конструкции сделок с заинтересованностью.

Выше мы уже высказывали аргументы в пользу того, что сделки с заинтересованностью представляют собой частный случай сделок в ущерб представляемому. Необходимость получения одобрения на совершение сделки с заинтересованностью не является ограничением полномочий в смысле п. 1 ст. 174 ГК РФ (ст. 174 ГК РФ до 01.09.2013), ибо отсутствие такого одобрения и даже заведомое знание об этом контрагента не могут привести к недействительности сделки, если она не причинила ущерба интересам представляемого (общества).

Наиболее очевидным это становится при рассмотрении ситуации, описанной в п. 3 ст. 182 ГК РФ. Когда представитель совершает сделку с самим собой, думается, ни у кого не возникает сомнения в том, что он знает об отсутствии согласия представляемого. Тем не менее в признании сделки недействительной должно быть отказано, если он докажет, что не было нанесено ущерба представляемому.

Именно намеренное причинение ущерба интересам представляемого является ключевым условием для признания сделки недействительной. Существование неодобренного конфликта интересов лишь приводит к тому, что наличие такого ущерба предполагается. Однако эту презумпцию можно опровергнуть.

В целом можно признать, что доказанная неосведомленность контрагента о наличии у сделки признаков заинтересованности должна влечь отказ в признании ее

⁵² См.: Суханов Е.А. Закон об обществах с ограниченной ответственностью // *Хозяйство и право*. 1998. № 5. С. 43.

⁵³ См.: Гутников О.В. Указ. соч. С. 335. Полагаем необходимым отметить, что это предложение автор выдвинул еще в 2003 г. в первом издании своей работы (с. 403).

недействительной, но только при условии, если истцом не было доказано совершение сделки заведомо в ущерб интересам общества. Однако в таких случаях, по-видимому, точнее будет говорить о том, что основанием для отказа в иске является отсутствие доказательств, достаточных для признания сделки недействительной по п. 2 ст. 174 ГК РФ, а вовсе не неосведомленность контрагента о наличии у сделки признаков заинтересованности.

Сама же неосведомленность контрагента способна показать лишь то, что в сделке отсутствовал конфликт интересов, а значит, и нет оснований для создания презумпции о том, что сделка совершена в ущерб интересам общества.

Крупные сделки

Особый порядок совершения крупных сделок как ограничение полномочий единоличного исполнительного органа. Нормы о крупных сделках в отличие от сделок с заинтересованностью претерпели определенные метаморфозы с точки зрения их квалификации.

В юридической литературе сложилось относительно единообразное понимание института крупных сделок как меры контроля за совершением обществом сделок на крупные суммы⁵⁴. Вместе с тем судебная практика и доктрина длительное время не могли прийти к общему мнению о последствиях совершения такой сделки акционерным обществом без соблюдения соответствующего порядка.

Закон об АО в первоначальной редакции вообще не содержал указания на последствие нарушения порядка совершения крупных сделок. На это обращал внимание Г.Е. Авилов, который, в частности, обсуждал возможность рассмотрения таких сделок как совершенных без полномочий (п. 1 ст. 183 ГК РФ)⁵⁵. Судебная практика исходила из их ничтожности (п. 14 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 02.04.1997 № 4/8 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах»).

В 1998 г. был принят Закон об ООО, также содержащий категорию крупных сделок (ст. 46), однако в отличие от Закона об АО здесь была закреплена их оспоримость.

Е.А. Суханов, обсуждая положения нового Закона об ООО, писал: сделки, совершенные с нарушением правил ст. 45 и 46 Закона, являются оспоримыми и их действительность зависит от доказанности того, что контрагент по сделке знал или заведомо должен был знать о таких ограничениях (при этом автор ссылаясь на ст. 174

⁵⁴ См.: Комментарий к Федеральному закону «Об акционерных обществах» (постатейный) / М.И. Брагинский, В.В. Залесский, Е.А. Павлодский и др.; под ред. Г.С. Шапкиной. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 310.

⁵⁵ См.: Комментарий к Федеральному закону об акционерных обществах / под ред. Г.С. Шапкиной. С. 184–185 (автор комментария — Г.Е. Авилов).

ГК РФ). Одновременно ученый критиковал сложившуюся на тот момент судебную практику, квалифицирующую крупные сделки акционерных обществ без одобрения как противоречащие закону (ст. 168 ГК РФ)⁵⁶.

Между тем судебная практика последовательно отвергала применение ст. 174 ГК РФ к крупным сделкам акционерных обществ. Так, в п. 1 постановления Пленума ВАС РФ от 14.05.1998 № 9 «О некоторых вопросах применения статьи 174 Гражданского кодекса Российской Федерации при реализации органами юридических лиц полномочий на совершение сделок» указано, что эта статья не применяется в случаях, когда орган юридического лица действовал с превышением полномочий, установленных законом. В таких ситуациях надлежит руководствоваться ст. 168 ГК РФ. Как отмечается в комментариях к этому разъяснению, одним из мотивов к решению в пользу ничтожности подобных сделок было то, что положения законодательства, устанавливающие компетенцию органов акционерных обществ, должны быть известны контрагенту⁵⁷.

В российской доктрине высказывались мнения в пользу приведенной квалификации крупных сделок, совершенных с нарушением порядка их одобрения, поскольку закон на тот момент не устанавливал иных последствий⁵⁸.

В 2001 г. в Закон об АО были внесены поправки, которые вступили в силу с 01.01.2002, установившие, что крупная сделка, совершенная с нарушением соответствующего порядка, может быть признана судом недействительной по иску общества или его акционера, т.е. закреплялась оспоримость такого рода сделок. Тем самым регулирование крупных сделок акционерных обществ сравнялось с аналогичным регулированием в обществах с ограниченной ответственностью.

В дальнейшем практика применения норм о крупных сделках шла рука об руку с практикой по сделкам с заинтересованностью. Так, от подвергнувшегося критике в доктрине⁵⁹ положения, при котором для признания крупной сделки недействительной нужно было доказать только нарушение порядка ее одобрения, судебная практика пришла к тому, что истцу необходимо также доказать наличие нарушения прав и законных интересов оспариваемой сделкой (п. 38 постановления № 19).

Позднее было принято уже упоминавшееся постановление № 40, в п. 3 которого также говорилось о необходимости наличия нарушения прав и законных интересов оспариваемой сделкой. Пункт 2 этого постановления устанавливал, что в удо-

⁵⁶ См.: Суханов Е.А. Указ. соч. С. 43.

⁵⁷ См.: Денисов С.А. Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 14.05.1998 № 9 «О некоторых вопросах применения статьи 174 Гражданского кодекса Российской Федерации при реализации органами юридических лиц полномочий на совершение сделок» // Практика рассмотрения коммерческих споров: анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума ВАС РФ. М., 2007. Вып. 2 // СПС КонсультантПлюс.

⁵⁸ См.: Кресс В.В., Тузов Д.О. Некоторые проблемы практики применения статьи 168 Гражданского кодекса Российской Федерации арбитражными судами // Вестник ВАС РФ. 2001. № 10. С. 94; Ломакин Д.В. Крупные сделки в гражданском обороте // Российская академия юридических наук. Научные труды. 2001. № 1. Т. 1. С. 258–259; Гутников О.В. Указ. соч. С. 333.

⁵⁹ См.: Гутников О.В. Указ. соч. С. 335; Ломакин Д.В. Указ. соч. С. 259.

влетворении иска об оспаривании сделки как совершенной с нарушением порядка ее одобрения может быть отказано, если будет выявлено, что другая сторона в двухсторонней сделке или выгодоприобретатель по односторонней сделке не знали и не должны были знать о наличии признаков заинтересованности в сделке и несоблюдении установленного порядка ее совершения. На возможность применения этих разъяснений при рассмотрении дел об оспаривании крупных сделок указывает А.А. Маковская⁶⁰.

В настоящее время п. 6 ст. 79 Закона об АО и п. 5 ст. 46 Закона об ООО предусматривают, что для признания крупной сделки недействительной должно быть доказано наличие причиненных ею убытков или иных неблагоприятных последствий. При этом отказывается в признании сделки недействительной, если при рассмотрении дела в суде доказано, что другая ее сторона не знала и не должна была знать о совершении сделки с нарушением предусмотренного законом порядка.

На наш взгляд, ситуация, сложившаяся с оспариванием крупных сделок, вызывает вопросы с точки зрения того, каким образом соответствующие нормы корпоративного законодательства соотносятся с содержащимися в ГК РФ основаниями недействительности сделок.

Так, с самого начала было весьма спорным решением квалифицировать нарушение порядка совершения крупной сделки как противоречие закону в смысле ст. 168 ГК РФ.

По-видимому, применение ст. 168 ГК РФ объяснялось прежде всего тем, что порядок совершения крупных сделок в доктрине и судебной практике всегда рассматривался как положение закона. Однако это далеко не бесспорный вывод.

Содержание части второй ГК РФ прекрасно демонстрирует, что закрепление того или иного условия договора в законе не препятствует его квалификации в качестве собственно условия договора, т.е. входящего в содержание сделки. Этот вывод не опровергает даже то, что некоторые условия договора могут отражаться в законе как императивные.

Хотя в российской доктрине традиционно устав общества не рассматривается в качестве договора, сложно отрицать, что в его основе также лежит сделка⁶¹, в содержание которой включаются в том числе все условия, перечисленные в корпоративном законодательстве. Соответственно, порядок совершения сделок можно оценивать как часть условий устава (в случае АО это императивное условие (п. 1 ст. 79 Закона об АО), ООО — диспозитивное (п. 6 ст. 46 Закона об ООО)).

При таком подходе совершение крупной сделки с нарушением порядка означает нарушение ограничений полномочий, предусмотренных уставом, и закономерно

⁶⁰ См.: Маковская А.А. Комментарий к постановлению Пленума ВАС РФ от 20.06.2007 № 40 «О некоторых вопросах практики применения положений законодательства о сделках с заинтересованностью». С. 50–51.

⁶¹ О том, что устав, так же как и договор, представляет собой сделку, писал, например, В.Ю. Вольф (см.: Вольф В.Ю. Указ. соч. С. 9). Среди современных авторов этот взгляд отстаивал Д.И. Степанов (см.: Степанов Д.И. Сделка учредителей и присоединение к ней последующих участников // Вестник ВАС РФ. 2010. № 3. С. 6–65).

влечет применение к такой сделке п. 1 ст. 174 ГК РФ (ст. 174 в ред. до 01.09.2013). Более того, российское право допускает применение этой статьи к случаям, когда сделки, на которые уставом распространен особый порядок их заключения (п. 1 ст. 78 Закона об АО, п. 7 ст. 46 Закона об ООО), совершаются без одобрения (п. 30 постановления № 19). Тем сложнее объяснить, почему случаи, описанные в Законах, квалифицируются иным образом.

Как мы упоминали выше, в пользу квалификации крупных сделок как недействительных на основании ст. 168 ГК РФ приводился аргумент о том, что содержание закона предполагается известным каждому. Однако это неубедительный довод.

Во-первых, в конечном счете важно не то, осведомлен ли контрагент о наличии такого порядка совершения сделок, а то, знает ли он о необходимости его применения в конкретном случае, а также о том, было ли одобрение в действительности получено (контрагенту могли показать поддельное решение об одобрении сделки, либо такое решение могло быть впоследствии оспорено)⁶².

Во-вторых, сделку на самом деле порочит не противоречие закону, а отсутствие одобрения соответствующего органа общества (общего собрания или наблюдательного совета)⁶³. Следовательно, применение ст. 168 ГК РФ к таким сделкам было необоснованным.

Более того, сказанное, на наш взгляд, позволяет сделать общий вывод: совершение сделки с нарушением порядка ее одобрения должно квалифицироваться по п. 1 ст. 174 ГК РФ, в том числе в условиях действующего регулирования.

Какую ценность имеет этот вывод в нынешних условиях, когда действующее регулирование и так предусматривает те же условия для признания крупной сделки недействительной, как если бы применялся п. 1 ст. 174 ГК РФ?

Суть, как всегда, в нюансах: в круге подлежащих доказыванию обстоятельств и распределении бремени доказывания.

Круг обстоятельств, подлежащих доказыванию при признании крупной сделки недействительной. Несложно заметить, что помимо признаков, содержащихся в ст. 174 ГК РФ, условием для признания крупной сделки недействительной служит также наличие убытков или негативных последствий (п. 1 ст. 84 Закона об АО и п. 5 ст. 45 Закона об ООО). Мы уже кратко упоминали, что до внесения изменений в корпоративное законодательство аналогичная позиция была сформулирована в п. 38 постановления № 19 и п. 3 постановления № 40.

В доктрине также не раз высказывалась мысль о целесообразности того, чтобы крупная сделка, совершенная с нарушением порядка, признавалась недействи-

⁶² Этот аспект иллюстрируется в одном из дел Президиума ВАС РФ, где высший суд отказал в признании сделки недействительной, сославшись на то, что контрагент проверял наличие одобрения, необходимого в соответствии с уставом, и тот факт, что решение об одобрении было подделано, не опровергает добросовестности контрагента (см.: постановление Президиума ВАС РФ от 11.02.1997 № 8365/95).

⁶³ В этом смысле совершенно верно в разъяснении высших судов было указано на то, что сделка признается имеющей юридическую силу, если было получено одобрение соответствующих органов общества (абзац второй п. 14 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 02.04.1997 № 4/8).

тельной только при доказанности наличия убытков или иных неблагоприятных последствий⁶⁴.

Полагаем, что эта позиция может быть поставлена под сомнение по следующим причинам:

- 1) возникают необоснованные различия в регулировании оспаривания сделок, совершенных представителем с нарушением условий осуществления полномочий: в случае оспаривания крупных сделок необходимо доказывать наличие убытков, а п. 1 ст. 174 ГК РФ (ст. 174 ГК РФ в ред. до 01.09.2013) такого условия не упоминает⁶⁵. И каких-то убедительных причин в пользу такого различия, кроме часто упоминаемой «стабильности оборота», не приводится, но не надо забывать, что стабильность оборота — это еще и защита добросовестного представляемого;
- 2) нарушение прав и законных интересов общества в случае совершения крупной сделки без одобрения заключается уже в самом факте его отсутствия. Если участники (акционеры) оговорили такое ограничение полномочий в уставе, это означает, что они не хотели делегировать это полномочие директору, и не очень понятно, почему их воля игнорируется и требуется доказать еще и наличие убытков, которых может и не быть, т.е. сделка могла оказаться очень выгодной, но по определенным причинам участники не желали ее совершения (например, продажа недвижимости). С тем же успехом можно требовать доказательств наличия убытков в случаях, когда сделка была совершена неуполномоченным представителем⁶⁶.

⁶⁴ См.: Ломакин Д.В. Указ. соч. С. 259; Гутников О.В. Указ. соч. С. 335; Маковская А.А. Комментарий к постановлению Пленума ВАС РФ от 20.06.2007 № 40 «О некоторых вопросах практики применения положений законодательства о сделках с заинтересованностью». С. 51.

⁶⁵ В литературе О.В. Гутниковым была высказана позиция о том, что даже при наличии условий для признания сделки недействительной, предусмотренных ст. 174 ГК РФ (в ред. до 01.09.2013), она может быть оставлена судом в силе, если будет установлено, что она не нарушает интересов представляемого (см.: Гутников О.В. Указ. соч. С. 329–332). В подтверждение этого автор ссылается на п. 4 ст. 1044 ГК РФ, устанавливающий, что товарищ, совершивший от имени всех товарищей сделки, в отношении которых его право на ведение общих дел товарищей было ограничено, либо заключивший в интересах всех товарищей сделки от своего имени, может требовать возмещения произведенных им за свой счет расходов, если имелись достаточные основания полагать, что эти сделки были необходимыми в интересах всех товарищей. Полагаем, эта норма является лишь частным проявлением общих правил о действии без поручения (глава 50 ГК РФ), которые, как известно, ограничивают возможность действовать без поручения очень узким перечнем случаев (п. 1 ст. 980 ГК РФ). Едва ли правильно пытаться генерализировать это правило и тем более предоставлять суду определять случаи, когда сделка отвечает интересам представляемого, как это предлагает О.В. Гутников. Автономия воли представляемого не может подменяться усмотрением суда о том, насколько сделка отвечает его интересам. В конечном счете это противоречит идее свободы договора (ст. 421 ГК РФ).

⁶⁶ Стоит отметить, что не вполне очевидна разница между ситуацией, когда третье лицо совершило сделку с лицом, действовавшим без полномочий (ст. 183 ГК РФ), и тем случаем, когда контрагент знал о так называемых внутренних ограничениях полномочий представителя, но все равно совершил сделку, выходящую за эти пределы (п. 1 ст. 174 ГК РФ). Как видится, в тот момент, когда контрагент узнает о внутренних ограничениях, они становятся уже внешними, и можно говорить о том, что он знает об отсутствии полномочий у представителя совершать соответствующую сделку. Подобное исчезновение разделения на внутренние и внешние отношения мы можем наблюдать в п. 2 ст. 189 ГК РФ, где говорится о том, что если третьему лицу предъявлена доверенность, о прекращении которой оно не знало и не должно было знать, права и обязанности, приобретенные в результате действий лица, полномочия которого прекращены, сохраняют силу для представляемого и его правопреемников. Иными словами, здесь в зависимости от знания третьего лица об отзыве доверенности (это событие внутренних отношений между представителем и представляемым до тех пор, пока доверенность находится у представителя) поставлено действие сделки, совершенной таким лжепредставителем. Если третье лицо знало об отзыве доверенности, сделка будет считаться совершенной с неуполномоченным лицом (ст. 183 ГК РФ).

Думается, право должно в первую очередь охранять волю представляемого (общества), а возможное возражение о правах контрагента опровергается тем, что сделка может быть признана недействительной только в случаях, когда он знал или должен был знать об отсутствии одобрения. Право не должно поощрять такую недобросовестность⁶⁷;

- 3) из предыдущего довода вытекает возражение более частного порядка: крупная сделка представляет собой не просто ограничение полномочий, но и оставляет за участниками возможность решать судьбу общества⁶⁸, при этом такое решение может обуславливаться отнюдь не только соображениями «прибыльно — неприбыльно». Соответственно, оставлять сделку в силе означает лишать участников такого права. Это же соображение позволяет признать оправданным то, что корпоративное законодательство устанавливает особый порядок совершения таких сделок, не оставляя это на усмотрение участников (акционеров); действия, затрагивающие существо бизнеса общества, не должны совершаться в отсутствие на то воли участников (акционеров).

Распределение бремени доказывания при оспаривании крупной сделки. В удовлетворении требования о признании крупной сделки недействительной отказывается, если при рассмотрении дела в суде доказано, что другая сторона по данной сделке не знала и не должна была знать о ее совершении с нарушением порядка, предусмотренного законом (п. 6 ст. 79 Закона об АО, п. 5 ст. 46 Закона об ООО). Ранее аналогичное правило было отражено в п. 2 постановления № 40.

Как несложно заметить, при оспаривании крупной сделки презюмируется недобросовестность контрагента, в отличие от п. 1 ст. 174 ГК РФ, который исходит из добросовестности стороны сделки. Причины таких отличий неясны.

В российской доктрине высказывались предложения возложить бремя доказывания недобросовестности стороны сделки на истца⁶⁹. На наш взгляд, они заслу-

⁶⁷ Проблема совершения директором сделок с превышением полномочий известна и зарубежным правовым порядкам. В последнее время получило распространение правило о том, что полномочия директора во внешних отношениях неограниченны (см.: Сапн А., Donald D.C. *Op. cit.* P. 313–315; Дубовицкая Е.А. *Европейское корпоративное право. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 109–118*). В то же время не исключается возможность признания сделки недействительной в случаях, когда контрагент знал об отсутствии полномочий у директора. Так, в 2009 г. Верховный суд Германии принял решение, в котором была отражена позиция о том, что по общему правилу контрагенты вправе полагаться на неограниченные полномочия директора, но если они знали об ограничениях или должны были знать, т.е. обстоятельства были таковы, что любое разумное лицо немедленно обнаружило бы превышение директором своих полномочий, то сделка считается недействительной, при этом не имеет значения, соответствовала ли она интересам общества (см.: Müller K.J. *The GmbH. A Guide to the German Limited Liability Company. 2nd ed. Munich, 2009. P. 33–34*).

⁶⁸ Неслучайно в Законе об АО положения о крупных сделках находились в одной главе со ст. 80 (исключена из действующей редакции), регулировавшей вопросы поглощения. Кроме того, совершение сделки с имуществом, стоимость которого составляет 50 и более процентов от стоимости всего имущества общества, по своим последствиям приравнивается к реорганизации (ст. 75 Закона об АО).

⁶⁹ См.: Гутников О.В. *Указ. соч. С. 335*; Бурлаков С.А. *Крупные сделки юридических лиц: правовое регулирование. М., 2013. С. 180*.

живают поддержки, и дело здесь не только в необходимости приведения порядка оспаривания к одному знаменателю с п. 1 ст. 174 ГК РФ.

В этом заключается идея представительства. Третьи лица полагаются на внешнюю легитимацию представителя (доверенность, а в случае с директором — сведения ЕГРЮЛ): если оказывается, что представляемый желал ограничить полномочия представителя (в договоре с ним, учредительных документах либо иным образом), но не указал это в акте внешней легитимации, то на него возлагается бремя доказывания того, что стороне сделки было известно о таких ограничениях.

Возложение на участников оборота бремени проверки полномочий представителя иным образом, кроме анализа акта внешней легитимации (доверенности, сведений ЕГРЮЛ и т.п.), в буквальном смысле способно разрушить институт представительства. Никто не станет доверять тому, что перед ним представитель, обладающий необходимыми полномочиями, даже если он предъявляет акт внешней легитимации. Все будут стремиться получить подтверждение непосредственно от представляемого.

Применительно к хозяйственному обществу необходимость каждый раз получать от участников (акционеров) подтверждение согласия на сделку губительна еще и потому, что в известной степени размывает институт юридического лица, лишая его самостоятельного значения в обороте⁷⁰.

Однако сказанное, на наш взгляд, нисколько не противоречит идее о том, что при совершении сделок с особо ценным имуществом (недвижимостью, дорогим оборудованием и т.п.), а также в иных случаях, когда контрагенту очевидно, что сделка затрагивает основы бизнеса общества, выходит за рамки обычной хозяйственной деятельности, с его стороны разумно будет провести более тщательную проверку полномочий директора, в том числе посредством проверки учредительных документов⁷¹. Равным образом и доверие к полномочиям представителя по доверенности является далеко не безграничным — например, в обычных обстоятельствах вряд ли кто-то рискнет покупать дорогую недвижимость путем заключения договора с представителем, а не лично с собственником или, по крайней мере, не попытается узнать причину, по которой собственник не желает сам подписывать такой договор. Все подобные случаи как раз и должны охватываться выражением «должна была знать об этих ограничениях», содержащимся в п. 1 ст. 174 ГК РФ.

⁷⁰ Замена множества участников (акционеров) в гражданском обороте единым субъектом выступает одной из основополагающих функций юридического лица (см.: Armour J., Hansmann H., Kraakam R. *What is Corporate Law? // The Anatomy of Corporate Law: A Comparative and Functional Approach*. Oxford, 2009. P. 12–14).

⁷¹ Проблема здесь того же рода, что и в случае добросовестного приобретения права собственности (ст. 302 ГК РФ), — защита добросовестного приобретателя не абсолютна и требует со стороны последнего определенного уровня разумности. Так, в судебной практике была сформулирована позиция, согласно которой приобретатель не признается добросовестным, если он не проявил должную степень осмотрительности при приобретении вещи. Например, совершению сделки сопутствовали обстоятельства, которые должны были вызвать у приобретателя имущества сомнения в отношении права продавца на его отчуждение (п. 9 Обзора судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения, п. 38 постановления Пленума ВС РФ и ВАС РФ от 29.04.2010 № 10/22).

Заключение

По итогам можно обозначить следующие краткие выводы:

- нормы об оспаривании крупных сделок являются частным случаем п. 1 ст. 174 ГК РФ;
- нормы об оспаривании сделок с заинтересованностью являются развитием правила п. 3 ст. 182 ГК РФ и частным случаем п. 2 ст. 174 ГК РФ.

Одним из проявлений в подлинном смысле этого слова *правового* регулирования выступает равное отношение к одинаковым ситуациям. Действующая система правил оспаривания крупных сделок и сделок с заинтересованностью показывает явное отклонение от аналогичного регулирования «общегражданских» оснований недействительности сделок в отсутствие каких-либо очевидных причин, а потому, на наш взгляд, нуждается в пересмотре.